

Дело Библера

Ахутин А.В., Берлянд И.Л.

В 2018 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Владимира Соломоновича Библера (1918–2000). Эту дату отмечали и в России (см., например, публикации в «Вопросах философии»), и на Украине, в Киеве, куда съехались ученики, сподвижники, слушатели Библера с разных концов земли и где, помимо круглого стола, состоялась презентация книги Библера на украинском языке (см. сайт «Библер и вокруг»). Материалы круглого стола, проведенного в Институте философии РАН, были опубликованы в онлайн-журнале Vox, сотрудникам которого небезразлично не только философское наследие Библера, но и его жизнь, ибо его биография — это, как сказал на круглом столе один из учеников Библера П. Д. Тищенко, «опыт радикального выбора себя».

Именно поэтому нас привлекла полемика, возникшая в связи с публикацией Вячеслава Цыбы на сайте Koine.community (<https://www.koine.community/.../%D0%B3%D0%B0%D1%81%D0%BB%D0%.../>), где В. Цыба взял в качестве примера моральной коллизии событие из жизни Библера, а именно его службу в Смерше, следствие по делу немецкого актера-нациста Генриха Георге, которое Библер вел как офицер Смерша (Георге в результате отправили в лагерь, где он и погиб). Ученик Библера А. В. Ахутин посчитал «своим долгом» ответить на такое обвинение, поскольку, как он пишет, «речь идет о моем учителе и очень дорогом мне человеке Владимире Соломоновиче Библере. Он сам не может ответить.

Он

умер».

(<https://www.facebook.com/anatolyj.akhutin/posts/3038441392907785>)

К резкому

высказыванию Ахутина присоединилась и дополнила — по-украински — И. Л. Берлянд. Koine.community опубликовал их ответы:

https://www.koine.community/mikhailminakov1971gmail-com/%D0%B2%D1%96%D0%B4%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D1%96%D0%B4%D1%8C-%D0%B2%D1%8F%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D1%83-%D1%86%D0%B8%D0%B1%D1%96/?fbclid=IwAR3RaSFqDsjerWyQhy-CP_cqCOz28Sx31BCCQHxVp5zaB0emKoSkr6XD7z8.

Мы с разрешения авторов считаем необходимым их перепубликовать, тем более что весьма существенное дополнение И. Л. Берлянд было по нашей просьбе переведено на русский язык.

На возражения А. В. Ахутина и И. Л. Берлянд последовал ответ В. Цыбы (со ссылкой на доклад известного архивиста-историка Н. В. Петрова, опубликованный в <https://www.koine.community/.../%d0%b2%d1%96%d0%b4%d0%bf%d0.../>). Все документы этого спора можно найти в «Фейсбуке» по хештегу #Библер_и_Смерш. Результатом стало «Дело Библера» А. В. Ахутина.

Острота этого события и бурная реакция на него, естественная со стороны близких Библеру людей, заставила их собрать документы, касающиеся службы Библера в Смерше, которые вписывают еще одну — тревожащую — страницу в «опыт радикального выбора себя».

Ответ А. В. Ахутина на очерк В. Цыбы «Благодушные подданные террора»

Прежде всего приношу Вам свои извинения за излишнюю резкость слов, мало оправдываемую возмущением, которое вызвал во мне Ваш текст. Постараюсь кратко объяснить, что именно меня возмутило.

1. Ни в малой мере не посягаю на свободу Ваших мыслей и взглядов, однако высказывания относительно конкретных лиц отнюдь не свободны. Вы занимаетесь проблемой моральной ответственности, но говорите в Вашем эссе не о человеке вообще, а персонально о Владимире Соломоновиче Библере. При этом сами не чувствуете моральной ответственности, публично судя о нем и, разумеется, осуждая? Вы говорите, что не брались судить, а только размышляете. То есть «Тож не може не постати питання: як можливо поєднувати в свідомості однієї людини служіння ідеалам людяності та покірність наказам, що суперечать їм?» — это не суд? «Як воно — вважати себе культурною людиною і розчерком пера прирікати на смерть?» — это не суд, граничащий с клеветой? «За відповідних умов грань між **катом** і дослідником стає малопомітною. Віра у служіння величній ідеї здатна спантеличити ум» — это тоже не суд, граничащий с прямым оскорблением, а всего лишь «добротливі міркування»?

Извольте же и сами нести моральную ответственность за свои слова о человеке.

Вы исследуете «грань між морально допустимим і недопустимим». Стоит поставить вопрос об этой грани и к своим собственным словам. Парадокс их в том, что Вы не замечаете, как — в пафосе морального суждения — воспроизводите тот самый жест, который осуждаете: росчерком пера обрекаете человека на моральную смерть.

Вот теперь и стоит вспомнить Канта: «Человек не может быть средством», его персональную жизнь и судьбу недопустимо использовать в качестве наглядного пособия для иллюстрации общих моральных рассуждений.

2. Вполне допустим суд — и юридический, и моральный — над человеком, но именно суд с разбором свидетельств, показаний, слушанием сторон и т. д. Иначе будет только самосуд. Суд воплощает моральное отношение к подсудимому, голословный самосуд — аморальное. Таков парадокс Вашего *морального* высказывания.

В личных ответах мне Вы привели массу документов, на основании которых Вы вынесли Ваше суждение о Библере. Но они сообщены в личку мне, человеку в деле и без того немного осведомленному. Читатели же журнала *Koine*, уважающие его и доверяющие ему, остались в неведении и вынуждены верить Вам на слово. Вы прекрасно понимаете (и понимали, когда писали), что страшные слова «НКВД», «Смерш» воспринимаются нынешними читателями однозначно: они достаточно знают, чтобы уже слово «опер» было для них клеймом палача. Прочее — мелочи. Но — для этического и юридического суда — в мелочах все дело. Например, в такой мелочи: Библер вел следствие по делу Генриха Георге в июне 1945 г., допрашивал его и написал заключение, где квалифицирует его как «известного немецкого актера, сначала коммуниста, после прихода нацистов к власти обратившегося в нацизм и страстно пропагандировавшего нацизм в берлинских художественных кругах; он также призывал по радио сражаться до последнего». На этом функция лейтенанта Библера закончилась. Его начальник, майор А. Н. Пярин подписывает протокол и передает своему начальнику, гвардии капитану Д. К. Шмыряеву, а тот *переписывает* (!) заключение, вписывая туда «антисоветскую деятельность», то есть определяя Георге по знаменитой статье 58/10, вследствие чего тот и отправляется в лагерь, сначала Хоэншенхаузен, потом, уже в 1946 г. — в Заксенхаузен, где и умирает. Замечу, это мне известно из обширного и тщательно документированного

исследования дела Генриха Георге немецким историком Петером Эрлером (2009 г.). Таких исследований дела Георге в Германии не одно. Вот это и называется морально ответственным судом над человеком.

3. Вы говорите о Библере, о конкретных обстоятельствах его жизни, но вместо того, чтобы «аналізувати моральні дилеми», задаете вопрос: как человек мог жить с этим? Вопрос задан риторически. Вас не интересует, ни с чем именно «этим», ни само «как», иначе Вы постарались бы поинтересоваться этим самым «как», то есть жизнью человека, а не экспоната в музее моральных «проблем». Вы говорите о «совмещении», как будто Библер одной рукой посылал людей в лагеря, а другой писал философские работы. Библер был следователем в 1945 г., вырвался, многим рискуя, из НКВД в 1947-м, прожил затем 53 года напряженнейшей интеллектуальной (а в конце и политической) жизни... Это вовсе не значит совмещать одно с другим. Живы многие, знавшие Библера, жив вот еще я, его ученик, если бы Вы и в самом деле интересовались тем, «как это возможно», — спросили бы, мы бы рассказали.

4. Именно этика требует различать схему и человека. Хотите судить «вообще», описывайте воображаемых персонажей. Клаус Манн написал роман, а не заметку о Густаве Грюндгенсе. Казус Хайдеггера, к примеру, и правда ставит вопрос о таком «совмещении» — так он сам в «Черных тетрадах» и описал, *как это возможно*. Случай же Библера совсем другой. Это жизнь, которую Вы не знаете, борьба, о которой Вы не ведаете... Казусы Хайдеггера (см. мою статью «Гайдеггер: казус філософії» в: *Філософська думка*. 1. 2020, с. 26–36) и Библера, Гамсуна и Селина, Фуртвенглера (см. фильм «Мнения сторон», 2001) и Шостаковича, Фадеева и Тычины... — разные казусы, и они не подверстываются под примеры «добротливого подданства террору».

Если всерьез, а не риторически, озадачиться проблемами, которые Вы ставите, именно различие «случаев» будет главным материалом исследования. Иначе же важный для Вас и вполне допустимый моральный суд (с внимательным разбором дела) превращается в аморальный самосуд, пусть и с благими нравственными намерениями.

Ответ И. Л. Берлянд на очерк В. Цыбы «Благодушные подданные террора»

В чем заключается, на мой взгляд, недобросовестность и моральная сомнительность текста Вячеслава Цыбы «Благодушные подданные террора»? В том, что драматическую жизнь Владимира Библера он использует как некий кейс, который должен проиллюстрировать заранее им понятый «выше описанный разлад между мыслью и поступком». То есть он заранее имеет определенную картинку разлада и ищет для нее иллюстрации — и ему кажется, что случай Библера как раз годится для этого.

Возможно, слово «клевета», которое употребил Анатолий Ахутин, слишком резкое. Ведь прямой лжи относительно фактов биографии Библера текст Вячеслава Цыбы не содержит. Да, Библер на самом деле служил в НКВД (НКГБ) с 10.1941, в Смерше — с 02.1945 по 10.1947. Да, его подпись стоит под протоколом допроса и ордером на арест актера Генриха Георге (не Густава Грюндгенса, прототипа персонажа романа Клауса Манна «Мефисто»). Однако ложным является сам пафос этого очерка. «Воспевать человека самого по себе и уничтожать живого человека — это проявление хитрости своевольного деятеля, и заводит в тупик. А путь к отступлению окутан дымкой смятения» — фраза выглядит так, будто Библер «воспевал человека самого по себе» и «уничтожал живого человека» в одно и то же время. Но это неправда. Когда Библер допрашивал Георге и подписывал ордер, он не «воспевал человека самого по себе», он отнюдь не считал себя «наследником идей Канта и Шопенгауэра» — он тогда был сторонником самого вульгарного марксизма. Его философские произведения — не времени службы в Смерше, тогда он не писал,

только читал, но даже еще 10 лет спустя — сейчас просто неловко читать. Правда, службой своей он уже тогда тяготился, изо всех сил пытался освободиться от нее (в том числе и довольно экзотическим способом — просто саботируя работу, чтобы его уволили за несоответствие, что, кстати, было опасно). Но отнюдь не был он тогда ни «певцом человека самого по себе», ни «наследником Канта».

Если бы можно было из «кейса Библера» извлечь какой-то нравственный урок, то он заключался бы совершенно в другом. В том, что человек способен изменить себя, что он не детерминирован, что не «бытие определяет сознание», а разум. В том, что фанатичный сторонник марксизма-ленинизма-большевизма способен превратиться в настоящего глубокого философа, офицер Смерша — в свободолюбивого человека, который не подстраивается под советскую систему. Я об этом написала в своих воспоминаниях о Библере, поэтому просто процитирую.

«Искренний коммунист, в юности он писал письма к Сталину. В 80-е годы, вспоминая об этом, рассказывал, что ощущение тогда было такое, что, дескать, мы вместе со старшими товарищами делаем одно дело. В 30–40-е годы он написал цикл стихотворений под названием "Политбеседы", стилизованных под Маяковского. Читая их сейчас, испытываешь какую-то неловкость. Во время войны работал в Смерше — об этом эпизоде своей биографии старался не вспоминать, не рассказывал почти ничего, от ответа на мои прямые вопросы пару раз уклонился, потом я перестала спрашивать. Первая его опубликованная работа называлась "Поход господ шумахерцев против демократии и социализма". Трудно было все это представить — когда мы с ним познакомились, в начале 80-х годов, он уже давно был последовательным антисталинистом и антисоветчиком (и всегда был последовательным антиимпериалистом), дружил с некоторыми диссидентами. Какая огромная работа должна была произойти! Из какого болота он вытащил себя за косичку!

Библер очень любил и часто вспоминал это место из "Приключений барона Мюнхгаузена" Распе, где герой, попав в болото, вытаскивает себя за волосы. Я сейчас перечитала этот эпизод ("...я собрался перескочить через болото, которое сначала показалось мне не таким широким, каким я увидел его, когда находился уже на середине скачка. В воздухе я повернул поэтому обратно к тому месту, где находился раньше, чтобы взять больший разбег. Тем не менее я и во второй раз плохо рассчитал и провалился по горло в тину недалеко от противоположного берега. Мне суждена была неминуемая гибель, если бы не сила моих рук. Ухватившись за собственную косу, я вытащил из болота как самого себя, так и коня, которого крепко стиснул между колен...") — и поразила, насколько точно он описывает Библера: способность в любом месте повернуть обратно и вернуться к тому месту, с которого начал; взять "больший разбег"; способность опираться не на болото обстоятельств, а на самого себя; и, наконец, "сила рук" — в библеровском случае сила мысли, позволяющая вытащить себя "за собственную косу".

Готовность пренебрегать деталями и подробностями для того, чтобы сделать «кейс» и удобную «иллюстрацию», приводит автора колонки к многочисленным ляпам, на которые указал Анатолий Ахутин. Из них самый смешной для меня (и для многих, кто хотя бы немного знаком с Библером как философом) — это характеристика Библера как «наследника Шопенгауэра», которая демонстрирует полную некомпетентность автора в «кейсе». Кстати, если автору или читателям «Койне» в самом деле интересно, как «автор возвращается к себе в текстах», то более показательными, чем упомянутая статья Библера «Возможна ли победа фашизма в СССР», являются его работы «Нравственность. Культура. Современность» и «Цивилизация и культура», которые, кстати, изданы по-украински в переводе А. Вольнца (В. Біблер. Культура. Діалог культур. Київ, Дух і Літера, 2018).

Дело Библера

А. В. Ахутин

...Но строк печальных не смываю.

В мае 2020 года на сайте Koine.community философ и публицист Вячеслав Цыба в серии статей под общим названием «Лозунги Свободы» опубликовал очерк о Владимире Соломоновиче Библере «Благодушные (добротливи) подданные террора». Во время войны В. Библер служил оперативным работником НКВД в подразделении военной контрразведки Смерш. В частности, в июле 1945 г. он вел дело крупного немецкого артиста Генриха Георге. Допрос Георге и рапорт В. Библера послужили основанием для решения о заключении Георге в лагерь Хоэншенхаузен. В 1946 г. Георге переводят в Заксенхаузен, где он погибает.

В. Цыба приводит случай Библера в пример нравственной коллизии: как человек может совмещать в себе «палача» и философа-гуманиста. Я написал автору резкий протест, возмущенный такой постановкой вопроса. В ответ В. Цыба указал мне источники, на которые он опирался (выступление 29 марта 1918 г. в ИФ РАН замечательного историка российских «органов безопасности» Н. В. Петрова (<https://www.youtube.com/watch...>) и интервью с ним, напечатанное в газете «30 октября» (2017 г. № 140). Затем я получил от своего австрийского друга Эриха Кляйна статью об этом деле из журнала «Шпигель» (1995 г.) и большую статью-исследование австрийского историка Петера Эрлера, где целый раздел посвящен участию в деле В. Библера. Наконец, в ответ на мою просьбу Н. В. Петров любезно прислал документы дела Генриха Георге, которое В. Библер вел в качестве следователя.

В сопроводительном письме Н. В. Петров сообщает: «Работник оперативного сектора НКВД в Берлине Библер написал постановление на арест Георге и допрашивал его. Да, постановление на направление Георге в спецлагерь подписал начальник Библера — такова была субординация. Но само дело Георге провел и подготовил для вынесения по нему обвинительного решения оперативный работник Библер. То есть участие Библера в политических репрессиях вполне очевидно. И дело Георге — не единичный эпизод в работе Библера в органах Смерш-НКВД. Он служил в Берлине вплоть до сентября 1947-го и выполнял оперативно-следственную работу, а не работу рядового переводчика». Признаюсь, мне эти документы не были известны, я был уверен, что В. Библер служил в Смерше переводчиком.

Для меня Владимир Соломонович Библер был и остается учителем и, решусь сказать, философским отцом. Узнавание об участии Библера в репрессиях — пусть во время войны, пусть против актера-нациста — для меня чрезвычайно болезненно. Тем не менее говорить о «совмещении» палача и гуманиста считаю безответственным абсурдом. Библер с риском для собственной свободы, а возможно, и жизни вырвался из «органов» уже в 1947 году (об этом несколько лет назад написала и выложила соответствующие документы Ирина Берлянд https://m.facebook.com/story.php?story_fbid=403476086436499&id=100003223335815), и последующие 53 года его жизни — пример могучей работы совести, сознания и ума, такого глубинного самоизменения, которое мало кому по силам. Теперь я вижу: он поднял груз гораздо больший, чем я думал. Вытащил себя за волосы (по сравнению Ирины Берлянд) из болота гораздо более смертоносного.

Тот род философствования, который я усвоил от Библера, требует бескомпромиссной пристальности к действительному положению дел, сколь бы эта пристальность ни разрушала наше комфортабельное благодушие. Поэтому я решил опубликовать все доступные мне документы «Дела Библера». Пусть каждый судит сам.

Вот несколько деталей и уточнений по текстам материалов из журнала «Шпигель» [Der Spiegel 49/1995, S. 236–244. Статья Spielen oder Sterben («Играть или умирать»), основанная на открытых в это время документах НКВД] и из статьи П. Лернера [Verhaftungen, Internierung und viel Theater. Die letzten Monate von Heinrich George in Berlin (Mai 1945 — Juli 1946) — Teil II, опубликованной в журнале Zeitschrift des Forschungsverbundes SED-Staat. 2010, № 27, S. 23–42; о Библере в разделе Vernehmungen und Nachforschungen («Допросы и следствие»), S. 34–37].

Задержание Генриха Георге приходится на начальную фазу второй большой волны арестов в июне 1945 г., направленных против гражданских лиц. Приблизительно в то же время в советском секторе был заново сформирован и переструктурирован аппарат тайной полиции НКВД, в Берлине и в округе были созданы оперативные сектора — совместно с немецкой полицией — по выявлению наци-активистов. Практика задержаний и арестов была расширена за пределы военных на все сферы культуры, затронутые нацистской диктатурой, в частности, на руководителей и функционеров из области культуры. С 27 июня 1945 г. предписывалось обратить внимание на писателей и ответственных лиц литературы и фашистского искусства.

НКВД задерживал и допрашивал людей из сферы культуры, не обращая внимания на их профессиональную квалификацию, заслуги и даже на заступничество тех офицеров советского командования, которые пытались наладить культурную жизнь в Берлине. Постановление о задержании и аресте Генриха Георге было принято на основании двух доносов. Под одним стоят пять неразборчивых подписей коллег Георге по театру Шиллера, где тот работал в качестве режиссера и актера с 1937 г., второй — анонимный. «Он сделал все, — говорится в доносе, — чтобы сделать фашизм популярным в художественных кругах». В «Деле» находятся: сообщения осведомителей, показания свидетелей, удостоверение личности Георге, записная книга, письма фюреру, пакет с фото Георге в обществе Гитлера и других нацистских боссов, приказ об аресте, отпечатки пальцев и протокол допроса 10 июля 1945 г. На первом допросе Георге признает, что в 1944 г. после покушения на Гитлера послал ему телеграмму и призывал по радио сражаться до конца. Произносит столь знакомую фразу: «Для меня Гитлер и Германия были одним и тем же, я верил поэтому, что, сражаясь за Гитлера, я сражаюсь за Германию». 28 июля Библер записывает: «Генрих Георге подлежит задержанию с целью установления личных данных и его преступной деятельности».

«Рапорт старшего лейтенанта В. Библера (написанный на основании допросов), — пишет П. Лернер, — был для актера роковым (Für den Schauspieler war der Rapport des Oberleutnants schicksalhaft)» (Op. cit., S. 40).

Заключительную оценку материалов предпринял гвардии капитан Дмитрий Кондратьевич Шмырев. Этот старший следователь того же отделения «в противоречие с протоколом и результатами следствия Библера (im Gegensatz zu der Aktenlage und den Untersuchungsergebnissen von Bibler (Lerner, S. 40))» приписал Георге непосредственно антисоветскую деятельность (видимо, более знакомую ему статью 58/10). Он нашел, что из-за «часто произносимых антисоветских речей в его ролях, направленных на дискредитацию советской власти и агитацию за продолжение войны» Г. Георге должен быть помещен в специальный лагерь НКВД. 27 июля 1945 г. Шмырев заполнил формуляр соответствующего заключения. После этого майор Пярин, ссылаясь на указ НКВД № 0018 от 11 января 1945 г. санкционировал заключение Георге в специальный лагерь НКВД Хоэншенхаузен.

В 1946 г. Георге был переведен в Заксенхаузен и погиб там 25 сентября 1946 г. Дело Генриха Георге подробно с публикацией документов исследовано и описано — помимо работы П. Лернера — в книгах:

Maser, Werner: Heinrich George. Mensch aus Erde gemacht. Berlin 1998;

Fricke, Kurt: Spiel am Abgrund. Heinrich George. Eine politische Biographie. Halle 2000.

Вот ссылка на пакет документов по «Делу Библера»: https://drive.google.com/.../16FXy1qvCx06dIb_IxrY6C92iToAZmkP...

1. Биографическая справка о Библере из справочника «Кто служил в советских органах госбезопасности в Германии 1945–1954», составленного Н. В. Петровым (М.: НИПЦ «Мемориал». Изд-во «Звенья». 2017. С. 150).

2. Титульный лист справочника.

3. Оборот титула книги «Верните мне свободу!» с выходными данными. Здесь опубликованы документы архивно-следственных дел двадцати репрессированных деятелей искусства России и Германии 1930-х — 1950-х годов, среди них дело Генриха Георге.

4. Свидетельства о Г. Георге.

5. Продолжение и начало протокола допроса.

6. Протокол допроса.

7. Показания Эрнста Шталь-Нахбаума (Гугенхаймера), коллеги Г. Георге.

8. Постановление Д. К. Шмырева о заключении Г. Георге в лагерь Хоэншенхаузен и акт о смерти.

9. Статья из журнала «Шпигель».

10. Статья Петера Лернера.

11. Газета «30 октября», где напечатано интервью с Н. В. Петровым.

Друзья и коллеги! Мы занимались «Делом Библера», в 2018 г. отмечали здесь его 100-летие. Мы будем и дальше учиться у него, изучать его, спорить о нем... Но вот что нельзя забывать: может быть, самое настоящее в настоящем Библере. Послушайте настоящего Библера: <https://www.bibler.ru/biaudio.php>.